

Впервые имя Я. В. Шишкина встречается в летописи под 1531 г., когда он во главе двух других дьяков (Афанасия Фуникова и дворцового дьяка Мити Великого) приехал в Новгород, привезя с собой грамоты от великого князя к архиепископу Макарию.³ К этому времени Я. В. Шишкин уже занимал крупное место в среднегосударственной администрации и находился в приближении к Василию III. В связи с его посылкой на дьячество в Новгород и Псков было заведено особое дело, которое еще во второй половине XVI в. хранилось в царском архиве. Об этом мы узнаем из описи царского архива: «Ящик 124. А в нем отпуск в Новгород в Великой и во Псков Якова Шинкина (следует читать Шишкина, — А. К., В. К.) да Фуника Курцова, да Микифора Казакова».⁴

Приезд в Новгород Я. В. Шишкина, снабженного от Василия III специальными инструкциями и полномочиями, ставящими его в особое положение по отношению к другим новгородским властям, конечно, не был простой сменой администрации. В Москве назначению Шишкина придавали важное государственное значение в плане реформы местного управления. Дьяк Я. В. Шишкин был призван способствовать укреплению централизации в этом районе, твердой рукой насаждать московские порядки взамен новгородских.

Присылке в Новгород Я. В. Шишкина предшествовала переписка новгородского архиепископа Макария с великим князем. Из дошедшего до нас послания Макария Василию III явствует, что в Новгороде и Пскове в это время обнаружались признаки религиозного брожения, захватившего часть низшего и рядового духовенства и посадских людей и направленного своим острием против наиболее крупных и богатых общежительных новгородских монастырей. Сведения о беспорядках в Юрьевом, Хутынском, Вяжицком и Отенском монастырях достигли Москвы и стали известны великому князю, который сделал об этом какой-то запрос. Макарий заверял Василия III в том, что беспорядки в монастырях частично уже исправлены, а частично исправляются, просил его принять меры против «некоего бесчиния», совершающегося в Новгороде и Пскове.⁵ Послание Макария было направлено Василию III в связи с проводившейся в 1527—1528 гг. в Новгороде монастырской реформой, заключавшейся в разделении мужских и женских монастырей и в переводе новгородских монастырей с особножитийного на общежитийный устав по образцу Юрьева, Хутынского, Вяжицкого, Отенского, а также большинства московских монастырей. Эта реформа вызвала недовольство у некоторых монахов и игуменов, стоявших за особножитийный устав и за новгородские традиции. С их стороны были сделаны какие-то разоблачения относительно нарушения правил монашеской жизни в общежитийных монастырях, по-видимому использованные простыми людьми и частью низшего духовенства в целях критики монастырей вообще. «Некое бесчиние» в Новгороде и Пскове в конце 20-х годов XVI в. не ограничивалось, однако, лишь формами церковной жизни. Накануне приезда дьяка Я. В. Шишкина здесь наблюдалось обострение классовой борьбы, выразившейся, по словам летописца, в частых «грабежах, татьбах, убийствах и всяких злых делах».⁶

Я. В. Шишкин со своими товарищами, выполняя предписания великого князя, провел в Новгороде ряд энергичных и быстрых мероприятий.

³ ПСРЛ, т. VI СПб., 1853, стр. 288.

⁴ ААЭ, г. 1 СПб., 1836, стр. 344.

⁵ ДАИ, т. I СПб., 1846, стр. 22—23; см.: А. И. Клибанов. Реформационные движения в России в XIV—первой половине XVI в. М., 1960, стр. 254—256.

⁶ ПСРЛ, т. VI, стр. 288.